

Zoja Kuca

Łódź, Uniwersytet Łódzki

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В РОМАНЕ ЛЮДМИЛЫ УЛИЦКОЙ *ЗЕЛЕНЬ ШАТЕР*

Axiological Discourse in the Novel by Lyudmila Ulitskaya *Green Tent*

ABSTRACT: The article discusses the axiological discourse in the novel *Green Tent* by Lyudmila Ulitskaya. Consolidation of society, its internal cohesion, the development of culture and art as well as politics and law depend to a great extent on the adopted axiological framework. This is fundamental to the reading and interpretation of the writer's work. The world of dictatorship with artificially invented ideals emerges as an opposition to freedom of thought and action. Using the phenomenon of dissidence, Ulitskaya shows an opposition and unwillingness to obey dictatorship and to be a puppet in the hands of the state system. The writer focuses her attention not so much on the historical epoch as on the human personality and its attitude to what is happening. The problem of dissent, unwillingness to be a part of the mass, resistance to the state system persistently and convincingly reverberates throughout the novel. Reluctant to succumb to the deadness of official morality, the main characters attempt to create their own axiological alternative free from the state's influence.

KEYWORDS: Lyudmila Ulitskaya, literature, scale of values, imago, dissidence, totalitarian system

Каждая эпоха несет свое представление о ценностях, а также обладает свойственной ей перцепцией ценностных установок социокультурным бытием. Ушедшая эра коммунизма все еще звучит эхом в современной культуре, в частности, в творчестве писателей, чей жизненный опыт охватил время «расцвета» воинствующего коммунизма второй половины двадцатого века. Разрушение духовных ценностей в большевистской России, являющихся основой юридических и нравственных норм, на которых строится жизнь любого общества, неминуемо должно было привести к вырождению общественной жизни, аксиологической пустоте и отсутствию смысла жизни. Все это мы и наблюдаем в период сталинизма и последующее время правления приемников «вождя народов».

Признание ценности в качестве положительной значимости объектов, исходя из их вовлеченности в сферу человеческих интересов, представляется нам «крайним и весьма обедненным психологизмом»¹. Проблемы аксиологии всегда были

¹ Н. Лосский, *Ценность и бытие. Бог и царство Божие как основа ценностей*, Paris 1931, с. 10.

актуальны, поскольку от них зависела консолидация социума, его внутренняя сплоченность, векторы развития культуры и искусства, политики и права каждого отдельно взятого общества. Для человека с религиозной системой ценностей абсолютная ценность всегда «имеет характер добра с любой точки зрения», она «не только сама по себе всегда есть добро, но и следствия, необходимо вытекающие из нее, никогда не содержат в себе зла»². Коммунистический режим, убрав Бога из существующей системы ценностей, с одной стороны, создал нравственную иллюзию, некий аксиологический субститут, априорно неспособный играть главную мотивационно-созидательную функцию в обществе; с другой – вынудил общество к поиску собственных ценностно-нравственных ориентиров, позволяющих строить свою личную жизнь на реальном аксиологическом фундаменте, а не на выдуманных, пафосно-абстрактных лозунговых идеалах. Постсталинская эпоха и ее негосударственное, «оппозиционное» аксиологическое измерение составляют тот эпос, где мир диктатуры идеалов соприкасался с миром свободного инакомыслия, где любой выход за рамки существующей идеологии искони воспринимался в категориях подвига. Аксиологический дискурс такого измерения, еще раз подчеркнем, искусственно лишенный «абсолютной ценности», представляет незаурядный предмет исследований, в котором как шкала, так и система ценностей строятся на основании «иного» фундамента, иного, прежде всего, по отношению к существующей социально-политической системе координат.

Книга Людмилы Улицкой *Зеленый шатер* является своеобразным свидетельством выше обозначенной эпохи. Писательница руководствовалась аксиомой, что литература может решить существующие кризисы общества³, поэтому в своем творчестве смело поднимала общественно-политические и социальные проблемы. В центре романа *Зеленый шатер* стоит человек – его личность, шкала ценностей, отношения с другими людьми и государством. Без сомнения, проза писательницы антропологична. «Внимание ее устремлено на человеческие натуры, порожденные временем, на развитие человека в диалоге с эпохой»⁴. В комментарии к книге *Веселые похороны*⁵ Улицкая отметила: «Это книга о человеке, который сделал все возможное, чтобы после его ухода осталась не черная дыра отчаяния, а атмосфера примирения и любви»⁶. Бенджамин Мэсси Сатклифф воспринял эту фразу писательницы как ключ к ее прозе и пьесам⁷. Действитель-

² Там же, с. 82.

³ B. Sutcliffe, *Secular Victims, Religious Aggressors: Liudmila Ulitskaia's Muslims, Radical Islam, and the Russian Intelligentsia*, „The Russian Review” 74 (April 2015), p. 191.

⁴ А. Хаванская, *Особенности поэтики имени в романе Л. Улицкой, «Зелёный шатёр»*, «Культурная жизнь Юга России» 2013, № 2 (49), с. 91-93.

⁵ Л. Улицкая, *Веселые похороны*, Москва 2006.

⁶ Там же, текст на обложке книги.

⁷ Benjamin M. Sutcliffe, *Liudmila Ulitskaia's Literature of Tolerance*, „The Russian Review” 68 (July 2009), p. 495.

но, произведения Улицкой в какой-то степени отображают увлечение писательницы гибридными персонажами: людьми, сочетающими в себе различные этносы и системы верований. «Такие персонажи и их роли [...] указывают на главную проблему ее творчества – толерантность как практику признания и привлечения конфликтующих точек зрения»⁸. В этой связи нельзя забывать, что будучи еврейкой, отождествляющей себя с христианским вероисповеданием⁹, Улицкая поставила себя в положение, охарактеризованное Джудит Корнблат как «двойное избрание», т. е. принадлежность к избранному народу и, в то же время, решение быть христианином¹⁰.

Сквозная тема романа – диссидентское движение. Но не столько тема интересна писательнице, сколько личность в рамках исторической проблемы, ее мировоззрение и нежелание быть массой. Инакомыслие, неудержимое стремление к свободе мысли, противление государственному строю и из-за этого постоянное преследование и потеря физической свободы – это корпус романа Улицкой.

Автор произведения неоднократно использует термин диссидентство и диссидент. Данное явление, по своей сути, является более сложным феноменом, чем это может показаться на первый взгляд. В ряде своих критических исследований Александр Даниэль делает существенное замечание по поводу диссидентства, которое, по его мнению, не является движением, а совокупностью «общественных движений и индивидуальных поступков, разнородных и разнонаправленных (а зачастую противонаправленных) по своим целям и задачам»¹¹. Действительно, исходя из учета национальной, культурной, философской и религиозной полифонии настоящего явления, мы не можем закрепить за ним единственно «правильный» смысл. Уже сам термин, принятый из иноязычной среды в качестве компромисса между узконаправленной русской семантикой, дает свою предварительную характеристику, снимая существующие онтологические противоречия русского «оппозиционного» движения 60-х и начала 80-х годов. Говоря о культуре диссидентского поведения, нельзя не учесть факт, что именно беллетристика является ценным источником, исходя из которого можно строить культурологическую модель диссидентства. Учитывая факт, что Улицкая родилась в 1943 году, становится понятным стремление писательницы к пси-

---

⁸ Авторский перевод. Оригинальный текст: “These two works powerfully depict the results of misunderstanding and, more significantly in the context of Russian culture, stress the need for reconciliation. Both narratives foreground Ulitskaia’s longstanding fascination with hybrid characters: those individuals who combine different (and usually divisive) ethnicities and belief systems. Such characters and their roles in these two novels suggest the main concern of her oeuvre—tolerance as the practice of acknowledging and engaging the conflicting viewpoints”. См.: Там же, p. 495-509.

⁹ Л. Улицкая, *Мой любимый араб*. Сборник, Москва 2007, с. 269.

¹⁰ J. Kornblatt, *Doubly Chosen: Jewish Identity, the Soviet Intelligentsia, and the Russian Orthodox Church*, University of Wisconsin Press 2004, p. 15.

¹¹ А. Даниэль, *Диссидентство: культура ускользающая от определений?*, [в:] *Семидесятые как предмет истории русской культуры*, ред. К. Рогов, Н. Охотин, Москва – Венеция 1998, с. 111-124.

хологической точности в представлении главных героев романа: та же эпоха, те же ценности. Все это помогло автору отобразить суть исторического времени и мировоззрение людей данного периода, особенно в интересующем нас исследовательском ключе.

В одном из своих интервью писательница, выражаясь о диссидентах в России, утверждала, что они были тем поколением, которое начало открытую борьбу за право иметь собственное мнение. Именно они, согласно Улицкой, поборолли в себе страх перед властью: они боролись за право думать не так, как писали в газетах и журналах, их инакомыслие стоило им ссылок, лагерей, психбольниц. Название книги отсылает, по словам писательницы, к христианскому самосознанию, поскольку зеленый шатер – говорит Улицкая – всех примиряет – «и тех, кто предал своих друзей, не сумев противостоять давлению власти, и тех, кто это давление выдержал»¹². Западные исследователи творчества писательницы, Элизабет Скомп и Бенджамин Сатклифф¹³, утверждают, что тема диссидентства выбрана Улицкой не случайно, а именно в качестве оппозиции к доминирующей модели авторитаризма, в которой, по замечанию Эдит Ключ¹⁴, консервативный Север/центр подавляет более энергичный Юг/периферию с ее этническими меньшинствами. В этой модели диссиденты это «группа людей, наиболее способная противостоять этому опасному явлению, они – либеральная интеллигенция, измученные наследники противников позднего советского режима, подерживающие толерантность»¹⁵.

Настоящая книга появилась в России под названием *Зеленый шатер*, на Западе – *Имаго*¹⁶. Мнения критиков по поводу романа разделились. К примеру, Лев Данилкин, признавая художественное мастерство писательницы, считает, что диссидентское движение Улицкая представила слишком упрощенно, не справляясь с интеллектуально-этической задачей. Критик утверждает, что «*Зеленый шатер* может показаться всего лишь музеем, панорамой, в которой показана героическая оборона интеллигенцией и ее авангардом – диссидентами – идеи Свободы»¹⁷. Михаил Эдельштейн, в свою очередь, говорит о книге как о памятнике ушедшим друзьям. *Зеленый шатер*, отмечает критик,

¹² «*Зеленый шатер*» может стать последним романом Улицкой, интервью РИА Новости от 09.02.2011, [в:] <https://ria.ru/20110209/332134299.html> (14.08.2020).

¹³ E. Skomp, B. Sutcliffe, *Ludmila Ulitskaya and the Art of Tolerance*, University of Wisconsin Press 2015.

¹⁴ E. Clowes, *Russia on the Edge: Imagined Geographies and Post-Soviet Identity*, Cornell University Press 2011, p. 126, 127.

¹⁵ Перевод авторский. Текст оригинала: “The group most able to counter this dangerous drift is the liberal intelligentsia, the embattled heirs of the late Soviet regime’s opponents who support the toleranost”. См.: Там же, p. 143.

¹⁶ С. Григорь, *Повествовательные стратегии в прозе Л.Е. Улицкой*, Саратов 2012, с. 332.

¹⁷ Л. Данилкин, *Трагикомический роман о диссидентах*, Afisha.ru, 11.07.20, <http://www.elkost.com/authors/ulitskaya/media/1325-a-tragicomical-novel-about-dissidents-imag-o-afisharu-31012011-in-russian>, (11.08.20).

оставляет читателя в некотором недоумении: начинается как семейная сага, но вскоре сюжетная прямая переходит в пунктир, роман разбивается на осколки отдельных новелл, чтобы потом, ближе к финалу, опять обернуться романом и завязаться в узелок¹⁸.

Главная цель настоящего исследования – выявить аксиологическое измерение книги, в частности, через контекстуальный анализ таких социально-философских бинарных мотивов, как «детскость», усложненная биологическим термином «имаго» – «взрослость», «внутренняя и внешняя свобода», мотивы «бегства» и «противостояния», напрямую связанные с темой диссидентства. В ходе исследования были учтены также приемы ретроспекции и проспекции, сопряжение исторических и литературно-художественных интертекстов, подчеркнута смысловая нагрузка имен главных героев. В то же время, исследование имеет целью опровергнуть достаточно узкий взгляд на шкалу ценностей произведений писательницы, согласно которым, их единственная основа – принадлежность Улицкой к так называемой постсоветской интеллигенции¹⁹.

Совесь и страх, борьба с самим собой и отчаяние – это основные сюжетные составляющие книги: все темы являются звеньями одной цепи – они тесно связаны друг с другом, одна порождает другую, и все сводятся к одному – к неумолимому желанию обрести истинную свободу. Граница между жизнью и смертью, внутренней иерархией ценностей, между свободой и навязанным извне сценарием, все это на страницах романа писательницы звучит настойчиво и убедительно²⁰.

В *Зеленом шатре* писательница использует приемы ретроспекции и проспекции текста, вызывая у читателя, таким образом, интерес к дальнейшей и прошлой судьбе героев. Творческий метод нелинейного повествования создает устойчивое впечатление, что книга состоит из законченных рассказов, объединенных общей темой и персонажами. Самостоятельные рассказы-главы соприкасаются в сюжетах, конкретизируя и поясняя друг друга. Т. Воронина очень точно замечает: «В каждом последующем повествовании вскользь упоминаемые ранее события обрастают новыми деталями, выступают под другим углом зрения, обретают иное смысловое наполнение»²¹.

¹⁸ М. Эдельштейн, *Новый роман Людмилы Улицкой – одновременно учебник истории и памятник ушедшим друзьям*, «Эксперт» 2011, № 12 (746), [в:] <https://expert.ru/expert/2011/12/za-vsuyu-sredu> (10.08.20).

¹⁹ B. Sutcliffe, *Secular Victims, Religious Aggressors: Liudmila Ulitskaia's Muslims, Radical Islam, and the Russian Intelligentsia...*, p. 192.

²⁰ С вопросом особого статуса границы, разделяющей и связывающей разные сферы бытия, в том числе, жизни и смерти, связана также тема трансгрессии, замечательно отображенная в исследованиях Тюнде Шабо, которая в отношении эротических опытов и переживаний героев Улицкой усмотрела выход за пределы привычного поведения. См. дет.: Т. Шабо, *Трансгрессия в романе Людмилы Улицкой «Лестница Якова»*, „Literatūra” 2019, № 61 (2), с. 84-96.

²¹ Т. Воронина, *Вологодский край в романе Улицкой «Зеленый шатер»*, „Вестник Томского государственного педагогического университета” 2014, выпуск 9 (150), Томск, с. 110. Ср:

В этих рассказах Улицкая продолжает тему маленького человека, пытающегося выжить в жестоком мире. Большинство героев романа испытывают на себе несправедливость и жестокость времени, преследования и гонения. Кроме этого, в романе приведено неимоверное количество цитат, реминисценций, аллюзий, пересечение образов и сюжетов, которые образуют своего рода корпус для создания нового художественного текста. Все это наталкивает на мысль, что роман писательницы – это новый анализ, прочтение и осознание не столько данной исторической эпохи, сколько литературных текстов, написанных в эту эпоху, а конкретнее проблем, выдвинутых и экспонируемых в рамках художественного текста и образующих таким образом литературу в литературе.

В рассматриваемой нами книге, как и в *Казусе Кукоцкого*, тема деградации советского человека, ущемления его внутренней свободы, манипуляция общественным сознанием являются ведущими тематическими линиями романа, остальные необходимы лишь для экспонирования первых. Роман имеет четко определенные временные рамки, действие разворачивается в период смерти Сталина и завершается смертью Бродского (1953-1996). Конфронтация времени, режима и человека отмечена не только в прямом сюжетном повествовании, но также через упоминание о книгах Александра Солженицына, *Архипелаг Гулаг*, Юлия Даниэля, *Говорит Москва* и *Искушение*, о стихотворениях Марины Цветаевой, Осипа Мандельштама, Сергея Есенина, которых герои-диссиденты втайне читают, переписывают и перепечатывают, распространяют в России и высылают за границу «плоды инакомыслия». Интертекстуальные переключки обуславливают рост художественной ценности произведения. В тексте выступает колоссальное количество интертекстом, выраженных разными связями в рамках одного текста²².

Необходимо подчеркнуть, что в интертекстуальном произведении Улицкой сложно однозначно указать, какие именно интертексты более важны для самой писательницы: исторические или литературно-художественные. Важно, скорее всего, другое – исторические события идут в паре с художественными текстами. К примеру, освободительную борьбу против поляков Шенгели, учитель литературы, образ которого будет рассмотрен в дальнейшей части статьи, показывал, в частности, посредством литературы: стихов Петра Вяземского, *Тараса Бульбы* Николая Гоголя. В свою очередь, русская литература XIX века была показана детям тем же учителем через судьбы Александра Пушкина, Михаила Лермонтова и других писателей²³.

Д. Тищенко, *Роман Л. Улицкой «Зеленый шатер»: проблематика, поэтика, [в:] Диалог культур – диалог о мире и во имя мира. Материалы V Международной научной-практической конференции (18-25 апреля 2014 года)*. Часть 2, ред. Л. Лисина, Е. Жарикова, Комсомольск-на-Амуре 2014, с. 190-195.

²² С. Эльчепарова, *Интертекстуальность как способ выражения авторской позиции в романе Л. Улицкой «Зеленый шатер»*, PDF, https://pglu.ru/editions/un_reading/detail.php?SECTION_ID=3653&ELEMENT_ID=170728, с. 91-96 (11.08.20).

²³ М. Васюкова, *Художественно-аксиологическое содержание мотивной структуры романов Л.Е. Улицкой 2010-х годов*, Тамбов 2017, с. 94-95. Ср: И. Попова, О. Максимова, *«Не в подворотне*

И, тем не менее, исторический фон романа расширяется не только благодаря рассказам Шенгели, но также с помощью ретроспекций, воспоминаний и рассказов старших людей. Марк Липовецкий, исследуя понятие литературоцентричность, указывает «на прямую зависимость восприятия сути исторических процессов от российской литературы»²⁴. Упомянутый нами учитель водит главных героев романа – Саню, Михаила, Илью – по таким московским местам, которые связаны с крупными фигурами русской культуры и хранят в себе осколки крупнейших исторических событий. Отсюда моменты прошлого, связанного с декабристами, реализмом, символизмом не воспринимаются учениками как теория, а как действительность в картинках. Именно эти рассказы в большой степени формируют мировоззрение героев и становятся ценностным ориентиром в жизни²⁵.

Зеленый шатер (2011) был написан десятью годами позже *Казуса Кукоцкого* (2001), но при первом же его прочтении создается впечатление будто один роман это эхо второго. Здесь и переключки смежных тем, и одинаковое поведение героев, и знакомые сцены, и уже известные эмоции. Все это позволяет воспринимать настоящую книгу как своего рода прототип *Казуса Кукоцкого*. Сцена массового психоза на похоронах Сталина написана просто другими словами, однако несет ту же смысловую нагрузку, те же эмоции. Особенно выразительна здесь эмоциональная и чувствительная дуальность. С одной стороны, толпище страждущих людей, сметающее все, что попадает под ноги, с другой, восприятие данного события героями романа: презрение, скептицизм, равнодушные или облегчение. Образ Сталина показан через мифопоэтический контекст: «вождь народов» представлен здесь в виде тирана, страшного подземного чудища. Название главы отсылает к повести Владимира Короленко *Дети подземелья*. Данная интертекстема выражает не только духовный мрак, царящий в атеистическом обществе, но и напрямую строит связь с Ильей, одним из главных героев (он чудом спасается от смерти на похоронах Сталина, забравшись в канализационный люк).

Некоторые критики называют настоящую книгу Улицкой романом взросления или становления. И на самом деле, в начале романа появляются главные герои романа – Саня, Миха и Илья – ученики шестого класса. Их характеры и темпераменты, шкала ценностей, взгляды на жизнь формируются на глазах читателя. Неоспоримое влияние на их мировоззрение оказывают два человека: учитель литературы, Виктор Юльевич Шенгели и Анна Александровна – бабушка одного из учеников (Саши). Улицкая, раскрывая образы трех главных героев,

---

живем, а в истории...» Литературоцентричность изображения исторических событий в романе Л. Улицкой «Зеленый шатер», «Концепт» 2014, № 13, с. 2.

²⁴ Цит. за: В. Вуколова, *Литературоцентричность прозы Людмилы Евгеньевны Улицкой (интертекстуальный аспект)*, (На правах рукописи), Тамбов 2017, с. 17.

²⁵ Ср: И. Попова, О. Максимова, *«Не в подворотне живем, а в истории...» Литературоцентричность...», с. 3.*

обращает внимание даже на незначительные, казалось бы, на первый взгляд, моменты в их жизни, которые уже в финале оказываются некой надстройкой в развитии мировоззрения героев.

Любовь к литературе, которую Шенгели прививает своим ученикам, становится своего рода путеводителем в жизни трех молодых людей: герои романа буквально живут литературой, точнее ее культурными ценностями. «Люрсы», члены общества «Любителей русской словесности» противостоят царящей тоталитарной системе словом. В результате, самиздат становится для Ильи не только заинтересованностью и заработком, но чем-то большим – судьбой. Этот факт особенно подчеркивают исследовательницы творчества писательницы – Варвара Вуколова и Ирина Попова²⁶, которые замечают, что идея романа закодирована как раз в эпитафии, в отрывке письма Б. Пастернака к В. Шаламову, где уверенно констатируется «недостаточность пассивной позиции по отношению к тоталитаризму»²⁷. Именно такую жизненную позицию избирают три вышеупомянутых школьных друга.

В то же время, беседы с Анной Александровной открывают перед юношами мир далекой для них культуры. Что же касается самой личности Анны Александровны, то она представлена в произведении не только как источник знаний, но и как исключительный для своей эпохи человек (к ученицам она обращается – «барышни», к ученикам – «молодые люди»)²⁸. Она регулярно устраивает дома кукольный театр и часто забирает детей в театр. Анна Александровна замечательно владеет иностранными языками и музыкальным искусством, которое и стремится передать следующему поколению – главным героям²⁹.

Нельзя не заметить дополнительную смысловую нагрузку, которую носят имена героев, во многом определяющие их поведенческую линию. Итак, имя Илья имеет древнееврейское происхождение и обозначает «крепость Господню»³⁰. Настоящий герой находится в центре диссидентского движения, и в трудные минуты является опорой для своих друзей. Динамика политических процессов, от момента смерти Сталина до медленного сношения «железного занавеса», представлены в книге Улицкой как время постепенного освобождения народа от тоталитаризма. Илья, будучи еще подростком, запечатлевает ключевые события из жизни страны в виде личной фотохроники, становящейся фотоархивом диссидентов.

²⁶ В. Вуколова, И. Попова, *Функциональность интертекстуального контекста в романе Л. Улицкой «Зеленый шатер»*, «Вопросы современной науки и практики» 2013, № 4 (48), с. 127.

²⁷ Там же.

²⁸ Л. Улицкая, *Зеленый шатер*, Москва 2011, с. 23.

²⁹ Интересное замечание по поводу героев делает Даниил Тищенко, утверждая, что три главных героя олицетворяют главные чувства человека: Илья – зрение (диссидент-фотохудожник), Миха – речь (педагог и нереализовавшийся поэт) и Саня – слух (теоретик музыки), см.: Д. Тищенко, *Роман Л. Улицкой «Зеленый шатер»: проблематика, поэтика...*, с. 190-194.

³⁰ А. Хаванская, *Особенности поэтики имени в романе Л. Улицкой «Зеленый шатер»...*, с. 91-92.

В свою очередь, Миха Меламид – «кто подобен Богу, кто равен Богу» – во многом наделен сверхъестественным чувством любви к ближнему. В преувеличенной его жалости и сочувствии к хорошим и плохим наблюдается прямая проекция на князя Мышкина. Именно с чувством вины перед всеми Миха прощается с женой перед отправкой на этап:

И все, что он успел ей сказать, – какая-то глупость в духе Достоевского: Пред всеми людьми за всех и за вся виноват... [...] Перед Аленой, что оставил ее одну, перед друзьями, что не смог сделать ничего такого, что могло бы изменить положение вещей к лучшему. Перед всем миром, которому он был должен...³¹.

Героя Достоевского и Миху действительно объединяет многое: оба напоминают детей, и только ростом и лицом взрослого. Интересную мысль предлагает Марина Васюкова, которая утверждает, что один и второй наделены евангельскими чертами «детскости». Однако, если православный менталитет Мышкина детерминировал сознание своего несовершенства, вызванного грехопадением прародителей³², то Миха, как представитель социалистического воспитания, – лишен этой черты. Добродетели, которые присутствуют в таких людях, как Миха, это всего лишь остатки аксиологического наследия, оставленного православным христианством в предыдущую эпоху. Отсюда детскость, открытость, преданность и любовь к ближнему – черты, которые можно отнести скорее к категории инфантильности, нежели как определяющие взрослость героя. И все же, несмотря на разность эпох, душевная отзывчивость, смирение и сострадательность героев Достоевского и Улицкой (князя Мышкина и Михи) воспринимаются окружением с одинаковым недоумением, и даже дикостью.

Рассматривая обозначенную интертекстуальность, связанную с героями Достоевского, нельзя также упустить из виду еще один смежный мотив: сознание общности вины и соучастия в ее последствиях. Так, в *Братьях Карамазовых* старец Зосима учит ответственности не только за свои собственные поступки, но и за поступки ближнего³³. Кроме того, также в *Бесах*, Степан Верховенский высказывает ту же мысль: «Да, потому что все и каждый один пред другим виноваты»³⁴. Именно это развитое чувство вины перед всеми и за всех заводит Миху к глухонемым детям, которым он преподает литературу с помощью ритмики. Вполне обоснованно считать, что глухонемые дети в анализируемом произведении являются «метафорой-символом одураченного большевистской

³¹ Л. Улицкая, *Зеленый шатер...*, с. 481.

³² М. Васюкова, *Художественно-аксиологическое содержание...*, с. 31.

³³ «Ибо знайте, милые, что каждый единый из нас виновен за всех и за вся на земле несомненно, не только по общей мировой вине, а единолично каждый за всех людей и за всякого человека на сей земле. Сие сознание есть венец пути иноческого, да и всякого на земле человека».

Ф. Достоевский, *Братья Карамазовы*, Москва 2008, с. 93.

³⁴ Ф. Достоевский, *Бесы*, Москва 2008, с. 328.

идеологией всего советского народа»³⁵. С помощью глухонемы активизируется коллективное бессознательное, длящееся несколько десятков лет сталинской системы. Физическая глухонемота интернатских детей, так влекущая героя, жаждущего на «понятном» им языке передать строки русской поэзии, в романе имеет более широкие коннотационные рамки, распространяясь на все русское общество эпохи тоталитарного режима. Отсюда неслучайно, в главе «Милютинский сад» в образе Миши демонстрируется личностная эволюция, он приходит к выводу, что глухие и слепые не дети из интерната, а все люди, живущие в тоталитарном режиме. Герой взывает к Богу с просьбой забрать его отсюда по причине невозможности терпеть происходящее. Затравленный, как и миллионы других людей в постсталинскую эпоху, загнанный в житейскую ловушку, отказавшийся от побега за границу со словами: «Имаго, имаго!» он кончает жизнь самоубийством. Герой, не веровавший в Бога в течение всей своей жизни, в предвкушении смерти радуется тому, что ему не тридцать четыре, а тридцать три года (т. е. как Христу). В смерти он видит освобождение от земных проблем. Уход из мира ассоциируется у Миши с переходом в мир свободы. Он не осознает того, что в христианском учении самоубийство является неисправимым грехом. То, что герой сравнивает себя с Христом, в какой-то мере свидетельствует о полном отсутствии понимания им самого подвига Спасителя, предающего себя в руки убийц ради спасения падшего человечества. Возрастное сходство в данном случае – случайность, в сознании же героя, нелепая интерпретация подвига Иисуса. Данный подвиг был понят героем очень узко, – как переход во взрослость «имаго», как готовность принимать решения.

Мастерское представление последних мгновений из жизни несостоявшегося поэта Улицкая образует с помощью разных художественных приемов: сравнений, символики биологических терминов, цитат из русской поэзии и др. Образ жизни Миши во многом иллюстрирует слова Апостола языков: «Не будьте дети умом: на злое будьте младенцами, а по уму совершеннолетними»³⁶. Взрослый Миша в душе остается ребенком. Именно благодаря этой детскости он прощает обиды, любит и сочувствует ближнему, чувствует угрызения совести перед всеми и за всех. Искренность и незлобивость – главные черты детскости, которыми писательница наделяет Миху³⁷. Вуколова считает, что образ Миши, вернее его детскости, отсылает, с одной стороны, к евангельскому мотиву детскости, перекликающемуся с образами Достоевского, с другой – к инфантилизму, о котором так много говорила в своих интервью Улицкая и так убедительно показала на примере общества периода тоталитарного режима³⁸.

³⁵ В. Вуколова, *Литературоцентричность прозы...*, с. 90.

³⁶ 1 Кор., 14-20.

³⁷ С. Эльчепарова, *Интертекстуальность как способ выражения авторской позиции в романе Л. Улицкой «Зеленый шатер»*, PDF, https://pglu.ru/editions/un_reading/detail.php?SECTION_ID=3653&ELEMENT_ID=170728, с. 91-96.

³⁸ В. Вуколова, *Литературоцентричность прозы...*, с. 44.

Третий герой романа с именем Саня (Александр т. е. защитник) это одаренный музыкально молодой человек, воспринимающий мир через призму «грязной камеры»³⁹. О нем в книге сказано мало. Известно, что он является потомком декабриста Лунина, выросшим в интеллигентской семье с достатком. И хотя, он скорее пассивный свидетель антисталинской активности, нежели соучастник в деятельности своих друзей, герой не представляет себе возможным жить в такой стране. Саня вступает в фиктивный брак с американкой и уезжает за границу. Там он всецело отдается миру музыки, в которой и находит смысл своей жизни. Концентрация на музыке приводит к тому, что герой практически не замечает смены эпох, сначала хрущевской, потом брежневской. В музыке он находит гармонию и свободу, считает ее страстью своей жизни. На примере жизни Сани прослеживается мотив бегства, реализуемый Улицкой на страницах романа с помощью трех ветвей: топоса – эмиграции (Саня, Лиза, Людмила), локуса – русской глубинки (художник Борис Муратов) и ухода в себя (Виктор Шенгели)⁴⁰.

Проблема взросления личности, интересующая писательницу и затрагиваемая ею на страницах своих произведений, касается как всего общества, так и отдельно взятых героев. Тема диссидентского движения здесь отнюдь не случайна. Личность в руках тоталитарной власти превращается в бессознательную креатуру. В такой системе отсутствует духовное и интеллектуальное взросление личности, происходит лишь физическое возрастание человека. На фоне бессознательной массы Улицкая представляет героев, выделяющихся свободолобием и инакомыслием. На примере описанных персонажей писательница как бы строит теорию о взрослении человека, о переходе во взрослое состояние, которое возможно лишь в том случае, если человек живет своими собственными убеждениями. Возможно, именно поэтому тема «имаго» непосредственно связана с главными героями романа. Из биографии Улицкой известно, что она по образованию биолог. В своих книгах писательница довольно часто использует сопоставление человека с животным миром, в анализируемом же случае, – с насекомым. Писательница сравнивает становление личности с последней стадией развития у бабочек. Не случайно, вопрос «имаго», в качестве независимого объекта рассуждений Улицкой, становится предметом заинтересованности Шенгели. Феномен детства и взросления волнует Шенгели еще до встречи с главными героями. Причиной такого положения вещей были деревенские дети, с которыми учитель работал в первые годы своей учительской практики. Он убежден, что культурные ценности, которые он хотел передать молодому поколению, в деревне никому не нужны. Шенгели в недоумении наблюдает за девочками, которые перед уроками успевают прибрать скот, поухаживать за малыми братьями и сестрами, а также за мальчиками, с детства выполняющими тяжелую мужскую

³⁹ А. Хаванская, *Особенности поэтики имени в романе Л. Улицкой, «Зелёный шатёр»...*, с. 91-92. Ср: Д. Тищенко, *Роман Л. Улицкой «Зелёный шатёр»: проблематика, поэтика...*, с. 190-194.

⁴⁰ М. Васюкова, *Художественно-аксиологическое содержание...*, с. 72.

работу. Наблюдая за деревенскими детьми, он испытывает неловкость и чувство вины за то, что отвлекает их от более важного дела. Здесь Шенгели впервые задумывается о феномене детства как такового, о том рубеже, на котором заканчивается детство и начинается взрослость⁴¹. Именно с такими наблюдениями учитель появляется в московской школе. Здесь же ему приходится работать с самыми, что ни на есть, «нормальными» детьми. «Они ничего общего не имели со своими деревенскими сверстниками. Эти московские мальчишки не пахали, не сеяли, не чинили конской сбруи, да и крестьянской ответственности за семью они не знали»⁴². Наблюдая за своими московскими учениками, он не только передает им моральные ценности, но также для себя пытается понять и раскрыть момент их взросления. «Через сиротство, обиды, жестокость и одиночество к восприятию вещей, которые сам считал основополагающими, – к осознанию добра и зла, к пониманию любви как высшей ценности»⁴³. И далее: «Давал все, что имел сам. В сущности, простые вещи – честь, справедливость, презрение к подлости и алчности»⁴⁴. Со временем учитель понимает, что причина несовершенства людей скрыта в общественных отношениях, а именно в том, что дети, воспитанные в эпоху сталинского режима, не проходят «инициации взросления», а «инициацию страхом»⁴⁵.

Используя термин «имаго», Улицкая, скорее всего, не соотносит его с Евангельским контекстом: учитывая временные рамки романа, «имаго» у писательницы определяет инфантильность человека, живущего в постсталинской эпохе. Мотив «имаго» в художественном пространстве анализируемого романа становится метафорой «невзрослости» всего общества. Именно этот мотив, как мы уже ранее упоминали, отсылает к эпиграфу романа, к словам Пастернака о недостаточном противостоянии тоталитарному режиму человеком, что непосредственно свидетельствует об отсутствии его «взрослости».

Шенгели приходит к выводу, что настоящее состояние взросления человек достигает в момент, когда начинает совершать самостоятельные поступки и руководствуется собственными убеждениями. В то же время, знания в этом процессе никак не обеспечивают нравственную зрелость⁴⁶. Вместе с тем учитель осознает, что стать взрослым в условиях тоталитарного режима практически невозможно. Сам же герой из эlegantного гения превращается в гениального неудачника, так и не закончившего писать свою книгу о детскости, но осознавшего, что страх сильнее любой мудрости. Самая большая ошибка Шенгели заключалась в том, что он пытался рационально понять и описать устройство мира и человека, забывая при этом о духовной составной каждой личности.

⁴¹ Л. Улицкая, *Зеленый шатер...*, с. 48.

⁴² Там же, с. 50.

⁴³ Там же, с. 82.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ В. Вуколова, *Литературоцентричность прозы...*, с. 56.

⁴⁶ Там же, с. 81.

Герои романа, стремясь противопоставить себя «марионеточному» обществу, отказываются от мнимой свободы, пытаются достичь свободы внутренней. Здесь важно сослаться на Ивана Ильина, который в своей *Религиозной философии* как раз и разграничил свободу на внешнюю (отрицательную) и внутреннюю (духовную). По мнению мыслителя, внешняя свобода заключается в отсутствии стороннего давления на человека, который на пути своего духовного становления должен правильно избирать ориентиры. В то же время внешняя свобода «ограждает интимный и глубокий процесс богоискания от насилия со стороны других людей»⁴⁷. Отсюда главной задачей внешней свободы, по мнению Ильина, является создание соответствующих возможностей внутреннего самоосвобождения. Таким образом, внутренняя свобода является тем необходимым фактором, который позволяет человеческой личности обрести себя⁴⁸.

Грань между свободой и принудительным поведением в романе Улицкой размыта или полностью отсутствует. В семье Ольги, жены Ильи, иллюзорная внешняя свобода и вытекающая из нее несвобода духовная присутствуют в романе как некий ложный мир, в котором все происходит по навязанному сценарию. Здесь, на фоне разрушенной в Советской России иерархии ценностей, Улицкая экспонирует сложную тему – религиозную, причем с учетом других наслоенных тем – института семьи, семейных и общественных ценностей, общего и частного. Не без иронии Улицкая рисует образ советского ребенка, выросшего в «партийном» доме, где его родители – марионетки государства, живут по чужому сценарию. Итак, Ольга, харизматичная и незаурядная личность, дочь главного редактора советского журнала и генерала, познает всю «радость» статуса счастливого советского ребенка⁴⁹:

Как легко и радостно быть хорошей советской девочкой! Пионерский Артек с синими ночами и красными галстуками прекрасно сочетался с продовольственным распределителем, а персональные машины родителей, возившие ее на дачу по субботам, – с равенством и братством. Она [...] любила радостно и безмятежно Ленина – Сталина – Хрущева – Брежнева, Родину и партию⁵⁰.

Очень точные наблюдения по поводу иронии в романе Улицкой сделала М. Васюкова. Исследовательница утверждает, что драматизм описываемой эпохи смягчается с помощью «ироничности, способствующей некоторому тра-

⁴⁷ И. Ильин, *Религиозная философия*, т. II, Москва 1994, с. 124.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Катажина Дуда в отношении одного из важных идеологических императивов, объединяющих «счастливое» советское общество, представленное писательницей, видит практику иллюзорного национального конформизма, связанного с массовыми этническими репрессиями и депортациями. См. дет.: K. Duda, *Narody Kraju Rad. Współistnienie i zatowizowanie kultur (twórczość Ludmiły Ulickiej)*, „Politeja” 2014, 5 (31/1), s. 137-138.

⁵⁰ Л. Улицкая, *Зеленый шатер...*, с. 128.

вестированию высокой трагедии, совмещению драматического с комическим, и даже с сатирическим»⁵¹. Васюкова убеждает, что писательница целенаправленно использует парадоксальные приемы художественного изображения. Иронический тон в изображении страшного времени просто необходим писательнице, чтобы не впасть в пессимизм при раскрытии темы⁵².

Возвращаясь все же к героине, отметим, что Ольга – сильная личность, умеющая отстаивать свои принципы и нравственные ценности. Следуя установленным принципам морали, она подписывает письмо в защиту профессора и, как следствие, ее отчисляют из университета. Ольга не ищет помощи близких и не прячется. Она «борется» с системой за свободу слова, обретая на своем пути таких же как она стражей честности. Все идет своим чередом до смерти ее матери, на похоронах которой Ольга узнает ошеломившую ее правду о собственной семье, о принадлежности ее предков к священничеству. Антонина, мать Ольги, в 20-е годы отреклась от своего отца – ссыльного священника, подтвердив свое решение заметкой в газете, задекларировав, что «Ленин им отец, а партия – мать»⁵³. Ольга, воспитанная в духе атеизма, узнав о происхождении своей семьи, относится к этому с полным равнодушием и даже отказывается от предметов культа: иконы, ладанки и крестика, привезенных ей подругой из Иерусалима в период болезни. Данный эпизод произведения наглядно демонстрирует своеобразный пик перестройки аксиологического сознания героини, являющейся типичным представителем нового советского человека. В ее лице цель коммунистической пропаганды и воспитания советского общества была достигнута. В сознании Ольги – сакральные предметы христианства это всего лишь «благочестивый мусор», качественно не влияющий на окружающую действительность. Выстраиваемая автором книги шкала ценностей это некий отголосок христианства, некогда сформировавшего русскую нравственную систему координат. Однако, в новых реалиях какой-либо религиозный посыл является, по сути, чуждым героям, воспитанным на новых, религиозно «очищенных» моральных принципах.

Контекстуальный анализ произведения, таким образом, отразил специфику шкалы ценностей, присущей постсталинской эпохе и характеризующейся, с одной стороны, нравственной размытостью, с другой, прагматико-государственными ориентирами. Герои, чувствуя духовную мертвость официальных моральных ориентиров, изо всех сил пытаются для себя самих создать некую аксиологическую альтернативу. Все вместе взятые и каждый в отдельности, они пытаются обрести фундамент собственной ценности, найти ее в кладезе русской литературы, музыке, стремлении к внутренней свободе, наконец, в бегстве из существующей системы искусственно навязанных ценностей. Каждый герой наделен своим собственным житейным потенциалом, который раскрывается по мере его взросления. Однако

⁵¹ М. Васюкова, *Ирония как «герменевтика» в романе Людмилы Улицкой «Зеленый шатер»*, «Литературоведение» 2017, № 8 (74), часть 2, с. 23-26.

⁵² Там же, с. 24.

⁵³ Л. Улицкая, *Зеленый шатер...*, с. 181.

из-за существующих исторических обстоятельств никому не удастся раскрыть его в полной мере. Тем не менее, Улицкой удалось показать всю психологическую драму личности, стремящейся к свободе вопреки господствующему государственному давлению. Диссидентство как определенная попытка прорыва, как стремление к выходу за рамки дозволенного, показано с перспективы незаурядных человеческих судеб, отображающих эталонность жизненных процессов системы железного занавеса. Те, кому все же удастся вырваться за его пределы, так или иначе продолжают нести бремя пустоты, возложенное на них системой.

References

- Chrząszcz M., *Rzecz i przestrzeń domu w powieści Ludmiły Ulickiej Zielony namiot*, [w:] *Topos domu w literaturach wschodniosłowiańskich*, red. Dziedzic J., Alstyński A., Sakowicz A., Białystok 2017.
- Edith C., *Russia on the Edge: Imagined Geographies and Post-Soviet Identity*, Cornell University Press 2011.
- Daniel' A., *Dissidentstvo: kul'tura uskol'zayushchaya ot opredeleniy?* [v:] *Semidesyatyye kak predmet istorii russkoy kul'tury*, red. Rogov K., Okhotin N., Moskva – Veneciya 1998.
- Danilkin L., *Tragikomicheskij roman o dissidentakh*, [v:] Afisha.ru, <http://www.elkost.com/authors/ulitskaya/media/1325-a-tragicomical-novel-about-dissidents-imago-afisharu-31012011-in-russian>.
- Dostoyevskiy F., *Besy*, Moskva 2008.
- Duda K., *Narody kraju rad. Współistnienie i zatimizowanie kultur (twórczość Ludmiły Ulickiej)*, «Politea» 2014, 5 (31/1).
- Duda K., *Szkice o prozie rosyjskiej XXI wieku (Ulicka, Szyszkin, Pielewin, Minajew, Siemczyn, Kuricyn, Starobiiniec...)*, Kraków 2017.
- Edel'shteyn M., *Novyy roman Lyudmiły Ulitskoy – odnovernenno uchebnik istorii i pamyatnik ushedshim druz'yam*, «Ekspert» 2020, nr 12 (746), <https://expert.ru/expert/2011/12/za-vsyu-sredu>.
- El'cheparova S., *Intertekstual'nost' kak sposob vyrazheniya avtorskoy pozitsii v romane L. Ulitskoy «Zelenyy shater»*, https://pglu.ru/editions/un_reading/detail.php?SECTION_ID=3653&ELEMENT_ID=170728.
- Grigor' S., *Povestvovatel'nyye strategii v proze L.E. Ulickoy*, Saratov 2012.
- Il'in I., *Religioznaya filosofiya*, Moskva 1994.
- Khavanskaya A., *Osobennosti poetiki imeni v romane L. Ulitskoy, «Zelenyy shater»*, «Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii» 2013, № 2 (49).
- Kornblatt J., *Doubly Chosen: Jewish Identity, the Soviet Intelligentsia, and the Russian Orthodox Church*, University of Wisconsin Press 2004.
- Losskiy N., *Tsennost' i bytiye. Bog i tsarstvo Bozhiye kak osnova tsennostey*, Paris 1931.
- Popova I., Maksimova O., «*Ne v podvorotne zhivem, a v istorii...*» *Literaturotsentrichnost' izobrazheniya istoricheskikh istoricheskikh sobyitij v romane L. Ulitskoy «Zelenyy shater»*, «Kontsept» 2014, nr 13.
- Shabo T., *Transgressiya v romane Lyudmiły Ulitskoy «Lestnica Yakova»*, «Literatūra» 2019, № 61(2).
- Skomp E., Sutcliffe B., *Ludmila Ulitskaya and the Art of Tolerance*, University of Wisconsin Press 2015.

- Skotnicka A., *Biografia jako dialog w powieści Ludmiły Ulickiej «Daniel Sztajn, tłumacz»*, [w:] «Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis. Studia Russologia. III», red. Chodurska H., Dziewanowska D., Skotnicka A., Kraków 2010.
- Sutcliffe B., *Liudmila Ulitskaia's Literature of Tolerance*, «The Russian Review» 68 (July 2009).
- Sutcliffe B., *Secular Victims, Religious Aggressors: Liudmila Ulitskaia's Muslims, Radical Islam, and the Russian Intelligentsia*, «The Russian Review» 74 (April 2015).
- Tishchenko D., *Roman L. Ulitskoy «Zelenyy shater»: problematika, poetika*, «Dialog kul'tur – dialog o mire i vo imya mira» 2014, nr 2.
- Ulitskaya L., *Moy lyubimyy arab. Sbornik*, Moskva 2007.
- Ulitskaya L., *Veselyye pokhorony*, Moskva 2006.
- Ulitskaya L., *Zelenyy shater*, Moskva 2011.
- Vasyukova M., *Ironiya kak «germenevtika» v romane Lyudmiły Ulitskoy «Zelenyy shater»*, «Literaturovedeniye» 2017, nr 8 (74).
- Vasyukova M., *Khudozhestvenno-aksiologicheskoye sodержaniye motivnoy struktury romanov L.E. Ulitskoy 2010-kh godov*, Tambov 2017.
- Voronina T., *Vologodskiy kray v romane Ulitskoy «Zelenyy shater»*, «Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta» 2014, vypusk 9 (150).
- Vukolova V., *Literaturotsentrichnost' prozy Lyudmiły Evgen'yevny Ulitskoy (intertekstual'nyy aspekt)*, Tambov 2017.
- Vukolova V., Popova I., *Funktsional'nost' intertekstual'nogo konteksta v romane L. Ulitskoy «Zelenyy shater»*, «Voprosy sovremennoy nauki i praktiki» 2013, nr 4 (48).

NOTA O AUTORCE

Zoja Kuca – dr, adiunkt; Uniwersytet Łódzki, Wydział Filologiczny, Instytut Rusycystyki.

Najważniejsze publikacje: *Пути постижения святости в прозаическом наследии Бориса Зайцева (1922-1972)*, Lublin 2012, ss. 387; Podręcznik do nauki języka rosyjskiego na poziomie B2-C1: *Дискуссия*, Wydawnictwo Profamilia, Łódź 2019, ss.160; Portal www.diskussia.pl; *Страх перед смертью в повести Леонида Ржевского «... показавшему нам свет» (Духовно-нравственная эволюция героя)*, [w:] *Emigracja rosyjska, ukraińska i białoruska. Spruścizna literacka, religijno-filozoficzna. Kulturowe zbliżenia*, red. A. Woźniak, Lublin 2019, s. 291-304; *Религиозный дискурс на примере повести И. Пятницкой „Пима Солнечный”*, [w:] *W kręgu problemów antropologii literatury. Antropologia przyszłości*, Białystok 2018, s. 203-219; *Роль и статус женщины в исламском мире на примере Юлии Сысоевой „Бог не проходит мимо”*, red. A. Woźniak, „Roczniki Humanistyczne TN KUL. Seria: Słowianoznawstwo”, Tom LXVI, z.7, Wydawnictwo KUL, Lublin 2018, s. 109-124; *Художественно-документальная проза Светланы Алексиевич на примере книги «Цинковые мальчики». «Страх человеческое смелости»*, „Lublin studies in modern languages and literature”, 42 (2), 2018, [HTTP://LSMLL.JOURNALS.UMCS.PL](http://LSMLL.JOURNALS.UMCS.PL), red. J. Krajka, J. Knieja, Lublin 2018, s. 20-34. *Поликультурное пространство художественного текста*, red. A. Woźniak „Roczniki Humanistyczne TN KUL. Seria: Słowianoznawstwo”, tom LXIV, z. 7, Wydawnictwo KUL, Lublin 2016, s. 95-107.

ORCID: 0000-0003-2194-9250

Email: zoja.kuca@uni.lodz.pl